

Л. В. Бороздина

СУЩНОСТЬ САМООЦЕНКИ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С Я-КОНЦЕПЦИЕЙ

Анализируется соотношение самооценки с Я-концепцией. Как показано, самооценка не имеет самостоятельного статуса в структуре Я-концепции, совмещаясь с самоотношением, образом Я либо концепцией Я в целом, что ведет к фактической потере важнейшего психического образования. Уточняется определение самооценки, рассматриваемой в качестве специальной функции самосознания, состоящей в установлении субъектом собственной значимости и несводимой к образу Я или самоотношению. Приводится аргументация предлагаемой теоретической схемы.

Ключевые слова: Я-концепция, самооценка, образ Я, самоотношение.

It is impossible to give English variant of the abstract because English language does not have exact analogy of the Russian notion «самооценка».

В течение нескольких последних десятилетий проблема самооценки является одной из интенсивно разрабатываемых, особенно в зарубежной психологии. По справедливому замечанию О.Н. Молчановой (2006), весьма впечатляющим следствием активного освоения указанной проблемы служит то, что в западной культуре сформировалось стойкое восприятие самооценки как важнейшего психологического ресурса человека, его достоинства. Люди стремятся к достижению высокой оценки себя подобно тому, как они стремятся к хорошему здоровью, благосостоянию и свободе мысли (Emler, 2001). Однако вопреки пристальному интересу к самооценке в западной литературе сохраняется поразительная концептуальная путаница. Прежде всего, отсутствует четкое, исчерпывающе адекватное определение феномена (Mruk, 1999). Пытаясь найти подходящий термин, отражающий суть явления, английские авторы Л. Уэллс и Дж. Марвелл (Wells, Marwell, 1976) перебирают множество различных понятий из области психологии «Я» («взгляд на себя», «доверие к себе», «осознание себя», «удовлетворенность собой» и т.д.), занимающих половину страницы книги среднего формата, и объединяют эту массу термином “self-esteem” как наиболее общим, включающим все смысловые оттенки приведенных ими понятий. Но английское “self-esteem” обозначает не оценку себя человеком, а его уважение к себе, чувство собственного достоинства, т.е. самоотношение, о чем уже упоминалось ранее (Бороздина, 1992, 2008).

Бороздина Лидия Васильевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* lv_bor@mail.ru

Однако термин “self-esteem” закрепляется и не только в англоязычной литературе. Швейцарский психоаналитик юнгианской школы М. Якоби утверждает, что «самооценка относится к достоинству и ценности, приписываемым себе человеком. В немецком языке это слово (Selbstwertgefühl) означает чувство (Gefühl) ценности (Wert), которое мы испытываем в отношении самого себя (Selbst). «Слово “оценка” происходит от латинского “aestimare”, означающего оценивание, которое я делаю в отношении собственной значимости» (Якоби, 2001, с. 50). В этом этимологическом пояснении присутствуют два важных момента: сведение самооценки человека к чувству, устойчивому эмоциональному переживанию по поводу себя, т.е. редукция одного феномена (самооценки) к другому (самоотношению), а кроме того, соединение в одном концепте смысла двух явлений: установления субъектом своей ценности и аффективной реакции на полученный результат в виде уважения к себе, самопрятия или самоотвержения при отрицательном исходе процесса самооценивания.

В современной психологии изучение самооценки вводится в рамки более широкой конструкции, именуемой Я-концепцией. Хотя такое словосочетание отнюдь не выступает неологизмом. Им пользовался еще Ф. Хоппе (Норре, 1930) в качестве синонима уровня Я, к сожалению, не дав определения ни тому, ни другому. Я-концепция стала весьма распространенным клише в зарубежной психологической литературе, находя применение также и в отечественной. У нас эта концепция хорошо известна в изложении английского психолога и педагога Р. Бернса (1986). Автор приводит общее (точнее, обобщенное) определение Я-концепции и описание ее структуры: «Я-концепция — это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой. Описательную составляющую Я-концепции часто называют *образом Я* или *картиной Я*. Составляющую, связанную с отношением к себе или к отдельным своим качествам, называют *самооценкой* или *принятием себя*» (Бернс, 1986, с. 30—31).

Далее автор описывает структуру Я-концепции, выделяя и обозначая ее элементы.

«1. Образ Я — представление индивида о самом себе.

2. Самооценка — аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением.

3. Потенциальная поведенческая реакция — те конкретные действия, которые могут быть вызваны образом Я и самооценкой.

Когнитивная составляющая Я-концепции. Представления индивида о самом себе, как правило, кажутся ему убедительными независимо от того, основываются ли они на объективном знании или субъективном мнении, являются ли они истинными или ложными. Конкретные способы самовосприятия, ведущего к формированию образа Я могут быть самыми разнообразными <...>.

Описывая ... самих себя, мы в словах пытаемся выразить основные характеристики нашего привычного самовосприятия ... к ним относятся любые атрибутивные, ролевые, статусные, психологические характеристики индивида, описание его имущества, жизненных целей и т.п. Все они входят в образ Я с различным удельным весом — одни представляются индивиду более значимыми, другие — менее ... Такого рода самоописания — это способ охарактеризовать неповторимость каждой личности через сочетания ее отдельных черт.

Оценочная составляющая Я-концепции. <...> Я-концепция — это не только констатация, описание черт своей личности, но и вся совокупность их оценочных характеристик и связанных с ними переживаний <...>. Аффективная составляющая ... существует в силу того, что когнитивная составляющая не воспринимается человеком безразлично, а пробуждает в нем оценки и эмоции, интенсивность которых зависит от контекста и от самого когнитивного содержания. <...> Источником оценочных значений различных представлений индивида о себе является его социокультурное окружение..., социальные реакции на какие-то его [индивида] проявления и самонаблюдения.

На мой взгляд, термины «образ Я» или «картина Я», которые нередко употребляются в литературе как синонимы Я-концепции, недостаточно передают динамический, оценочный, эмоциональный характер представлений индивида о себе. Я предпочитаю употреблять их для обозначения лишь первой, статической, когнитивной составляющей Я-концепции, чтобы подчеркнуть наличие второй, оценочной составляющей <...> самооценка — это личностное суждение о собственной ценности, <...> самооценка отражает степень развития у индивида чувства самоуважения, ощущения собственной ценности и позитивного отношения ко всему тому, что входит в сферу его Я. Поэтому низкая самооценка предполагает неприятие себя, самоотрицание, негативное отношение к своей личности. <...>

Всякая попытка себя охарактеризовать содержит оценочный элемент, определяемый общепризнанными нормами, критериями и целями, представлениями об уровнях достижений, моральными принципами, правилами поведения и т. д. <...>

Важную роль в ее [самооценки] формировании играет сопоставление образа реального Я с образом идеального Я, т.е. с представлением о том, каким человек хотел бы быть. <...> Кто достигает в реальности характеристик, определяющих для него идеальный образ Я, тот должен иметь высокую самооценку. Если же человек ощущает разрыв между этими характеристиками и реальностью своих достижений, его самооценка, по всей вероятности, будет низкой. <...> **Мы можем с уверенностью фиксировать в Я-концепции не только ее когнитивную составляющую, но и эмоционально-оценочную и потенциальную поведенческую** (выделено мной. — Л.Б.). <...>

Как следует из такого определения, позитивную Я-концепцию можно приравнять к позитивному отношению к себе, к самоуважению, принятию себя, ощущению собственной ценности; синонимами негативной Я-концепции становятся в этом случае негативное отношение к себе, неприятие себя, ощущение своей неполноценности. <...>

Поведенческая составляющая Я-концепции. Тот факт, что люди не всегда ведут себя в соответствии со своими убеждениями, хорошо известен. Нередко прямое, непосредственное выражение установок в поведении модифицируется или вовсе сдерживается в силу его социальной неприемлемости, нравственных

сомнений индивида или его страха перед возможными последствиями. <...> Особенность Я-концепции ... заключается в том, что ее [объектом] ... является сам носитель. Благодаря этой самонаправленности все эмоции и оценки, связанные с образом Я, являются очень сильными и устойчивыми. Не придавать значения отношению к себе другого человека достаточно просто; для этого существует богатый арсенал средств психологической защиты... Но если речь идет об отношении к самому себе, то простые вербальные манипуляции здесь могут оказаться бессильными. <...> Человек, уставший от повседневных дел, может взять отпуск, сменить работу, уехать в другой город или каким-то иным способом изменить ситуацию. Но может ли он убежать от самого себя?

Значение Я-концепции. <...> Я-концепция играет, по существу, тройную роль: она способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет интерпретацию опыта и является источником ожиданий» (Бернс, 1986, с. 30—39).

В изложении Бернса, как видим, Я-концепция — это все представления человека о себе, сопровождающиеся их оценкой. Разбираемая конструкция имеет три структурных элемента: когнитивный, оценочный и поведенческий. Первый составляет образ Я, отражающий содержание представлений субъекта о себе. Второй компонент, который Бернс склонен называть самооценкой, чаще и привычно именуется эмоционально-ценностным самоотношением (Rosenberg, 1965; Wylie, 1974—1979; и мн. др.). Третий элемент конструкции, с некоторой осторожностью обозначаемый автором как потенциально поведенческий и довольно скупо им раскрываемый, обычно характеризуется в качестве полноправной подструктуры, презентующей действия и поступки людей, продуцируемые когнитивной и эмоционально-ценностной составляющими, и, в частности, проявляющийся в речи, высказываниях индивида о себе.

Понятие Я-концепции было создано в 1950-х гг. в русле гуманистической психологии, сторонники которой (К. Роджерс, А. Маслоу) в противовес бихевиористам и фрейдистам стремились к освещению целостного человеческого «Я», мыслимого фундаментальным фактором поведения и личностного развития (Прихожан, 2008). При рассмотрении этого понятия в настоящем виде как особого теоретического построения возникает ощущение синкретизма, внутренней непоследовательности и очевидного несоответствия названия и содержания.

Слово «концепция» (лат. *conceptio*) в буквальном смысле означает понимание. Его лексическая формулировка гласит: «определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений» (Большой..., 2002, с. 568). Следовательно, Я-концепция — не что иное, как самопонимание индивидуума. Его самопознание, постижение собственной сущности — процесс когнитивный, итог которого должен оцениваться в категориях точности, адекватности достигнутого результата истинным свойствам носителя. Но Бернс, делая оговорку о том, что любое суждение человека о себе всегда субъективно, пристрастно, прибегает к оценке итога

в ином строе категорий, в континууме «позитивно—негативно», что прямо обуславливается соответствующим самоотношением индивида, т.е. возникает посредством уже не познавательных, а эмоциональных процессов — аффективных состояний различной интенсивности, константных чувств, которые субъект испытывает к себе, и т.п. Таким образом, когнитивный по своей природе феномен понимания себя человеком оказывается не только зависимым, но и абсолютно детерминированным другими психическими функциями — комплексом эмоциональных переживаний относительно себя. Как это может происходить и из чего складывается в логике обсуждаемой теоретической схемы самопонимание человека?

Прежде всего, самопонимание человека складывается из представлений о себе в целом и об отдельных присущих ему чертах, качествах, свойствах и т.д., т.е. из всего того, что входит в первый компонент конструкции. Но этим формирование Я-концепции не ограничивается. Бернс постоянно повторяет, что любое самоописание человека, любое его высказывание о себе имеет оценочный оттенок, поскольку когнитивная составляющая не воспринимается индивидом безразлично, а пробуждает в нем эти оценки. Значит, в Я-концепцию с необходимостью вносится самооценка, которую автор интерпретирует как «личностное суждение о собственной ценности». Строго говоря, имплицитно оценка себя уже заложена или номинативно присутствует во втором элементе структуры — эмоционально-ценностном самоотношении, которое Бернс и называет самооценкой. Однако автор обращает внимание не столько на личностное самооценочное суждение, сколько на его аффективный эффект, служащий реакцией индивида на степень его значимости, установленную самооценкой. А это приводит либо к переживанию гордости за себя, самоуважению, обретению или усилению собственного достоинства, в результате чего возникает самоприятие, либо к чувству стыда, переживанию своей малоценности, самоуничтожению и самонеприятию вплоть до отвержения себя. Далее именно по характеристикам самоотношения квалифицируется Я-концепция в целом как положительная или отрицательная (Бернс, 1986, с. 37).

Вполне очевидно, что здесь мы опять встречаемся, с одной стороны, со смещением самооценки на самоотношение, с другой — с соединением в одном понятии, будь то самооценка или этимологически более правильное эмоционально-ценностное самоотношение, смысла двух разных феноменов: определения человеком своей значимости и аффективного реагирования на результат.

Самооценка в тексте Бернса выполняет роль исключительно важного образования, но ему не находится специального места в Я-концепции, автономного статуса в ней самооценка не имеет. Это положение одинаково во всех изложениях анализируемой конструкции, и в нем состоит ее ущербность как теоретической схемы. Не будучи самостоятельной,

самооценка чаще всего отождествляется с эмоционально-ценностным самоотношением (Бернс, 1986; Coopersmith, 1967; Wylie, 1974—1979; и др.), реже — с образом Я (Врихт, 1982), когда, обрисовывая его, испытуемые проводят оценку себя по различным качествам, либо со всей Я-концепцией на том основании, что в пользу разведения когнитивного и оценочного элементов общей конструкции отсутствует достаточное количество аргументов теоретического или эмпирического порядка. В конечном итоге самооценку и самоотношение увязывают в некий единый конструкт, что уже выглядит совершенно непропорциональной операцией, а соединение этого конструкта с представлениями субъекта о себе создает указанное выше впечатление синкретизма, слабой структурной расчлененности Я-концепции, ее нестрогости в качестве теоретической схемы, усиливаемое включением в названный неоправданный интеграл еще и поведенческого компонента. Бесспорно, на самопостижение индивидуума серьезнейшее влияние оказывает характер его переживаний, касающихся собственной ценности, из коих субъект извлекает те или иные выводы, как и из своих деяний. Но понимание — это не эмоция и не поведение, хотя первая может быть причиной формирования конкретного типа Я-концепции, а второе — его непосредственным следствием. Однако причины и следствия какого-либо феномена невозможно вводить в сам феномен как его составляющие. Понимание себя человеком, по определению предполагая когнитивный процесс, не способно осуществляться, а тем более сводиться к аффектам и чувствам или поведенческим актам — набору инородных явлений, поэтому разработанная конструкция и порождает ощущение алогичности, невыдержанности строения, терминологической путанности и отмеченной выше рассогласованности наименования теоретической модели и ее содержания. Неудивительно, что в западной литературе термин «Я-концепция» далеко не редко употребляется только применительно к образу Я, на что сетует Бернс (1986).

Казалось бы, можно упростить задачу анализа, констатируя отсутствие в английском языке точного аналога нашему понятию «самооценка» и, следовательно, признав, что указанная концептуальная нечеткость, размытость не кроется в рассуждениях исследователей, а коренится в строе языка. Но это только видимое упрощение, поскольку теоретико-методологическая проблема превращается в сугубо лингвистическую. Однако целесообразно ли подобное в данном случае, даже если означенная проблема исходно действительно является лингвистической? Ведь изменение ее ранга не служит решению обсуждавшегося выше вопроса, а, напротив, сохраняет *status quo*.

В отечественной психологии исходным для анализа самооценки служит постулат, в соответствии с которым она функционирует как часть самосознания — явления совершенно иного масштаба и наполнения в сравнении с рассмотренной концепцией. При всей аксиоматичности

постулата он кажется слишком общим, задающим лишь ракурс анализа. Необходимо найти формы связи самосознания и самооценки, установить ее место в его структуре, а также провести соположение образа Я, отношения субъекта к себе с его оценкой себя. Отсутствие автономности последней в Я-концепции, идентификация самооценки с отдельными элементами общей конструкции или с ней в целом помимо понятийной неясности создает положение, при котором самооценка как независимый предмет исследования полностью исчезает, и мы приходим к потере важнейшего личностного образования, роль которого в жизни человека без преувеличения трудно переоценить. Однако ситуация подобной потери или невольно совершающегося изъятия не оправдана ни теоретически, ни эмпирически.

Обобщая опыт К. Роджерса и других авторов, преимущественно психотерапевтов, Бернс указывает на особую роль в формировании самооценки сопоставления реального и идеального Я. При достижении в реальности характеристик идеального Я человек обретает высокую самооценку, при разрыве — низкую. Таким образом, индикатором уровня индивидуальной оценки себя становится дистанция между названными позициями. Но интервал между реальной и идеальной самооценкой — лишь относительная мера, отражающая их сближение или отдаление, но не абсолютную высоту. При изучении возрастных изменений самооценки (Бороздина, Молчанова, 2001) выяснилось, что в поздней юности (18—19 лет) и I зрелости (21/22—35 лет) названный разрыв довольно велик (коэффициент корреляции в Q-технике равен 0.46, что указывает только на умеренную связь двух позиций и, следовательно, на вектор снижения реальной самооценки). Однако у наших испытуемых она не была таковой. Ее усредненный профиль располагался в верхней части среднего сектора графических шкал (в методике Дембо—Рубинштейн). Более того, несмотря на приведенный ранг коэффициента корреляции, в этой возрастной категории вообще не получено сколько-нибудь серьезного падения кривых самооценки, а нижний полуинтервал во всем наборе шкал не служил «рабочей зоной». Таким образом, при значительном разрыве между реальной и идеальной самооценкой вследствие подъема последней, во-первых, не обнаружено понижения актуальной оценки себя испытуемыми, во-вторых, она не сопровождается широким репертуаром отрицательных эмоций, хотя обследуемые полностью отдают себе отчет о высоте своей самооценочной позиции, но расценивают ее как старт в подъеме, намериваясь в будущем изменить положение в сторону идеальной самооценки, выступающей ведущим элементом регуляции поведения. У пожилых и престарелых анализируемый разрыв заметно сокращается, пределом чего служат эпизоды полного слияния двух самооценочных отметок на шкалах. По логике авторов, в этом случае надо ожидать высокой локализации самооценки, но совмещение позиций происходит по

обыкновенно в нижнем секторе шкал из-за плавного, но неуклонного возрастного спада обеих профилей самооценки.

Полученные эмпирические данные резко обостряют проблему самооценки, ее сущности, развития, способов диагностики, но, главное, ее места в структуре самосознания. В отношении последнего необходимо особо подчеркнуть, что самооценка — это специальная функция самосознания, не сводимая ни к одному из названных выше элементов — образу Я или самоотношению. Образ Я фиксирует знание индивидуума о себе, будучи комплексом сведений данного человека о нем самом. Такие сведения могут носить форму перцептивных или мнемических представлений, либо глубоко осмысленных и обобщенных суждений субъекта о себе, поэтому для образа Я адекватен вопрос: «Что Я имею, чем обладаю?» Самооценка же отражает присутствие критической позиции индивида по отношению к тому, чем он обладает. Но это не просто констатация наличного потенциала, в чем, безусловно, правы многие исследователи (Бернс, 1986; Якоби, 2001 и др.), а именно его оценка с точки зрения определенной системы ценностей, т.е. установление субъектом собственной значимости. И поэтому самооценка отвечает на вопрос: не что Я имею, а чего это стоит, какова ценность моего потенциала, а следовательно, меня?

По итогам проводимой самооценки формируется то или иное отношение к себе, позитивное либо негативное с чертами отрицания, неприятия. Понятно, что знание о себе служит необходимым материалом для самооценки, которая в свою очередь способна прямо задать модус самоотношения либо существенно повлиять на него. На этот момент обращает внимание И.И. Чеснокова (1982), говоря, что с содержательной стороны самооценки связано возникновение и развитие таких качеств, как самоуважение, совесть, гордость, тщеславие, честолюбие и т.п. В более общей и точной форме ту же мысль высказывает И.С. Кон (1984): самоуважение есть производное от процесса самооценивания.

Таким образом, самооценка как таковая автономно чрезвычайно важный, если не ключевой элемент самосознания, который в значительной мере может детерминировать личностный комфорт или дискомфорт, выраженный в степени самоприятия субъекта, его удовлетворенности собой. Кроме того, самооценка служит источником пополнения знаний человека о себе, но знаний особых, прошедших, если можно так сказать, ценностную экспертизу, в силу чего имеющих более высокий порядок.

Для аргументации развиваемого положения существует по крайней мере два рода фактов: одновременность «созревания», т.е. начала действия отдельных элементов самосознания, и нетождественность их параметров.

В 1970-х гг. были получены данные о наличии образа себя у детей полуторагодовалого возраста, что выявлялось путем самоузнавания

малышей в зеркале. Методы, нацеленные на невербальную фиксацию самоузнавания, первоначально появились и вошли в экспериментальную практику зоопсихологии и далее использовались в исследовании раннего детского развития. Дж. Гэллап (Gallup, 1977) ставил красной краской пятно на лбу шимпанзе во время сна животных и к моменту их просыпания помещал перед ними зеркало. Обезьяны тут же начинали ощупывать отметину, пытаться ее стереть, а это доказывало, что они узнавали себя, стараясь устранить «ненормативное включение». Эксперименты, подобные опытам Гэллапа, проводились с детьми, находящимися на доречевой стадии развития. Тест на самоузнавание (Lewis, Brooks, 1974) выполнялся с испытуемыми в возрасте от 16 до 22 месяцев. Мать незаметно наносила губной помадой красное пятнышко на нос ребенка, делая вид, что вытирает ему лицо. И если ребенок тянулся рукой не к изображению в зеркале, а к собственному носу, самоузнавание считалось состоявшимся. В этом исследовании 16-месячные участники эксперимента не ощупывали своего носа, но все 22-месячные дети это делали. Найденный результат согласуется с более поздними данными, согласно которым узнавание себя впервые возникает у детей в возрасте 18 месяцев и становится обычным к 20 месяцам (Бернс, 1986).

Совершенно ясно, что ребенок в полтора года и уж конечно младший дошкольник имеют образ себя, но второй обладает также и известным отношением к себе, являющимся транслированным и усвоенным отношением к ребенку других, главным образом взрослых. Однако дошкольник не способен выполнить функцию самооценки, в лучшем случае он актуализирует оценочную позицию окружающих применительно к себе. Это причина, по которой в школе К. Левина уровень притязаний ребенка 2—3 лет назывался рудиментарным: ребенок может выдвинуть цель и даже совершить действие по ее реализации, но он не в состоянии оценить достигнутый результат, т.е. осуществить самооценку исполненной акции. Этот факт имеет довольно широкое распространение, не ограничиваясь пределами одной психологической школы. Недавние отечественные исследования свидетельствуют о несформированности самооценки у детей и более позднего возраста. Такие данные получены, например, в экспериментах В.Г. Щур (1982), а также С.Г. Якобсон и Т.И. Фещенко (1997), где детей просили провести самооценку с помощью методики «лесенка»: испытуемым предъявлялась нарисованная лестница из 11 ступеней с пояснением, что внизу помещаются плохие дети, на 6-й ступени — средние, наверху — хорошие. Как оказалось, практически все обследуемые 6—7 лет ставили себя на крайнюю верхнюю ступеньку, демонстрируя неспособность выполнить задачу самооценки в предложенном диапазоне, т.е. соотносить свои качества с данной шкалой ценностей. Самооценка — рациональное и довольно позднее образование, ее появление издавна датируется подростковым возрастом, что подтверждено опытами Е.И. Савонько (1972),

где был убедительно показан момент перехода ребенка в его поведении с внешней оценки на самооценку (13 лет). По последним данным (Бороздина, Пукинска, 2009), самооценка имеется уже у 10-летних детей, справляющихся с методикой Дембо—Рубинштейн, оказывающихся в состоянии не только заполнить графические шкалы, но так или иначе обосновать проставленные позиции.

Второй ряд доказательств состоит в несовпадении уровней самоотношения и самооценки. Подобные сведения не столь малочисленны, и они имеются как в зарубежной, так и в отечественной экспериментальной психологии. По нашим материалам (Бороздина, Молчанова, 2001), при исследовании самооценки в период зрелости и особенно старости часто регистрируется расхождение высотных параметров самооценки (в методике Дембо—Рубинштейн) и индекса самоотношения (по технике Розенберга). В частности, обнаруживается, что в старости сниженный профиль оценки себя нередко сопутствует среднему или высокому баллу самоотношения. Человек в возрасте 75—90 лет, если он психически сохранен (а речь идет именно о таком контингенте, который отбирался с участием психиатра, психолога и терапевта), признает и даже подчеркивает ухудшение своей памяти, внимания, замедление и снижение продуктивности мышления. Но отношение к себе при этом у него может оставаться прежним или даже повышаться. Такой человек проявляет явные признаки самооберегания, иногда открыто жалея себя и расценивая происходящее с ним по формуле: «Это не я, а со мной». Феномен несовпадения уровней самооценки и самоотношения встречается на этапах I—II зрелости (21/22—55/60 лет) и у пожилых (56/61—74 года), т.е. вообще в течение всего периода зрелости (Бороздина, Молчанова, 2001). И факт рассогласования этих уровней свидетельствует об очевидной нетождественности обсуждаемых личностных конструктов, особенно если учесть, что приведенный результат фиксирован на стадии зрелости и даже зрелости, т.е. в тех фазах жизни человека, когда его самооценка и самоотношение безусловно сформированы.

Не следует думать, однако, что представленные данные противоречат интерпретации производительности отношения субъекта к себе от его самооценки. Чаше всего именно так и бывает, но не исключительно так. Могут иметь место и описанные отступления от этого общего правила, что отмечается в литературе. Анализируя методы измерения «обобщенной» самооценки, Р. Уайли пишет, что принцип простого суммирования частных позиций, применяемый при построении диагностических процедур для тестирования «глобальной» самооценки, является не чем иным, как проявлением теоретического невежества; должны быть предприняты шаги для учета значимости отдельных позиций и их вкладов в «обобщенную» самооценку, но «этого пока не сделано» (Wylie, 1974—1979, p. 48). Другие авторы утверждают, что «глобальная» самооценка, полученная сложением частных, и са-

моуважение — разные образования, за которыми надо искать неодинаковое психологическое содержание (Hoge, McCarthy, 1984). В целом результаты экспериментов заставляют исследователей усомниться в очевидности концептуализации и соответствующей ей диагностики самоуважения (self-esteem) как самооценки, интегрированной из отдельных компонентов.

Но даже если будет разработана в высшей степени надежная процедура получения «обобщенной» самооценки, вряд ли она сможет изоморфно презентировать самоотношение именно потому, что то и другое — нетождественные феномены.

Самооценка по какому-либо качеству, согласно Р. Уайли, основывается преимущественно на сопоставлении субъектом своих достижений с успехами окружающих, т.е. на так называемом социальном сравнении. Самоприятие же является не столько оценкой, сколько стилем отношения к себе, общей жизненной установкой, формирующейся в процессе «онтогенеза, а также путем сознательных усилий» (Wylie, 1974—1979, p. 52). Самооценивание и симпатию к себе можно рассматривать как достаточно независимые друг от друга. То, что люди чувствуют по отношению к себе, вовсе не обязательно определяется тем, насколько хорошими они считают себя. Человек способен любить себя, даже если его самооценка низка по каким-то важным качествам, и, наоборот, он может испытывать к себе антипатию при наличии у него высокой самооценки (там же). Следует только удивляться, насколько эти гипотетические рассуждения подтверждаются в упомянутой выше серии экспериментов по возрастной самооценке (Бороздина, Молчанова, 2001).

Итак, три образования — образ Я, самооценка и отношение к себе — не следует смешивать. Это разные элементы самосознания. Несомненно, что в онтологии представленные элементы слиты, особенно на стадии взрослости, ставшего самосознания. Разделить их можно только в анализе, но это необходимо, чтобы уяснить природу и сущность самооценки, выделив ее предмет, несводимый к другим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
- Бороздина Л.В.* Что такое самооценка // Психол. журн. 1992. № 4.
- Бороздина Л.В.* Самооценка в структуре самосознания // Факторы риска психосоматических заболеваний: Учеб. пособие. М., 2008.
- Бороздина Л.В., Молчанова О.Н.* Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых. М., 2001.
- Бороздина Л.В., Пукинска О.В.* Манифестация «триады риска» в онтогенезе и социальный интеллект // Мат-лы VI Междунар. конф. «Психолого-педагогические проблемы одаренности: теория и практика» (Иркутск, 11—13 сентября 2009 г.). Иркутск, 2009.

Врихт Р. Образ Я как подструктура личности // Проблемы психологии личности М., 1982.

Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984.

Молчанова О. Н. Самооценка: стабильность или изменчивость? // Психология. Журн. ВШЭ. 2006. № 2.

Прихожан А. М. Я-концепция // Большой психологический словарь. М., 2008. С. 778—779.

Савонько Е. И. Возрастные особенности соотношения ориентации на самооценку и на оценку другими людьми // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежиной. М., 1972. С. 81—111.

Чеснокова И. И. Самосознание, саморегуляция, самодетерминация личности // Проблемы психологии личности / Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1982.

Шур В. Г. Методика изучения представления ребенка об отношении к нему других людей // Психология личности. М., 1982.

Якоби М. Стыд и истоки самоуважения. М., 2001.

Якобсон С. Г., Фещенко Т. И. Формирование Я-потенциального положительного как метод регуляции поведения дошкольников // Вопр. психологии. 1997. № 3.

Coopersmith S. The antecedents of self-esteem. San Francisco, 1967.

Emler N. Self-esteem: The costs and consequences of low self-worth. York, 2001.

Gallup G. Self-recognition in primates // Amer. Psychologist. 1977. Vol. 32. P. 329—338.

Hoge D., McCarthy J. Influence of individual and group identity salience in the global self-esteem of youth // J. Pers. and Soc. Psychol. 1984. Vol. 47. N 3.

Hoppe F. Erfolg und Misserfolg // Psychol. Forsch. 1930. Bd 14. S. 1—62.

Lewis M., Brooks J. Self, other and fear // The origins of fear / Ed. by M. Lewis, L. Rosenblum. N.J., 1974.

Mruk C. Self-esteem: Research, theory and practice. N.Y., 1999.

Rosenberg M. Society and adolescent self-image. N.Y., 1965.

Wells L. E., Marwell G. Self-esteem. It's conceptualization and measurement. L., 1976.

Wylie R. C. The self-concept. Lincoln, NB, 1974—1979.